

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Потехиной Екатерины Александровны
«Гендерные модели в культуре: философско-антропологический анализ» на
соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности
09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские
науки)

Проблематика диссертации, представленной на оппонирование, обладает высокой степенью актуальности, поскольку обращена к рассмотрению вопросов, по сути, появившихся в социокультурном пространстве в последние полтора столетия в связи с «демократизацией и гуманизацией процессов». В этот период остро поднимается вопрос о равноправии мужчин и женщин, о статусе женщины, о нормативности и поведенческих программах, характерных для различных социокультурных ситуаций, в которых участвуют представители обоих полов и т.д.

Автор текста отмечает, что несмотря на данные процессы «усугубляется ситуация гендерной ассиметрии» связанная с идентификационным кризисом и социальной нестабильностью. В рамках традиций существуют устойчивые стереотипы, определяющие полоролевые позиции. К данному вопросу обращался широкий круг авторов, начиная с античности. Но до XX века речь преимущественно велась о природе человека, определяющей характер его поведения в обществе.

Потехина Е.А., опираясь на хорошую осведомленность в современной гендерной теории, ставит в своем исследовании ряд целей и задач, среди которых наиболее интересные – реконструировать историко-культурные инварианты гендерных поведенческих стратегий, а также охарактеризовать понятие «гендерная модель».

За исходную точку исследования следует принять суждение автора диссертации о том, что на всех исторических этапах преувалирует патриархальная идея доминации мужского начала как более совершенного. В то время как женщина рассматривалась как существо неполноценное. На каждом историческом этапе при этом можно найти и исключения, когда взгляды того или иного автора предполагают возможность равенства. Это и идея Платона об андрогинности, и опирающееся на библейское положение мнение раннехристианских авторов о двойственности человеческой природы, дарованной Господом, и др. В Новое время постепенно происходят сдвиги в представлениях о роли и статусе женщины в социокультурном пространстве, где ее «неполноценность» все чаще объясняется социокультурными условиями. И только в XX веке впервые речь заходит уже не о естественных

различиях между полами, а о гендерных стереотипах, имеющих традиционный характер. Большой вклад в формирование гендерной дискурсивности внесли, прежде всего, исследователи-женщины, начиная с Симоны де Бовуар. И по сей день растет число исследований в области гендерной проблематики у зарубежных и отечественных авторов.

Структура диссертации обусловлена основным замыслом исследования и подчинена его логике. Акцент в методологии автор делает на семиотической методологии.

Научная новизна диссертационного исследования не вызывает сомнения. Автор произвел систематическое философско-антропологическое изучение идей, сложившихся в мировой культуре по отношению к интерпретациям представлений о смысле половых различий, а также вытекающих из него поведенческих норм и оценок. Потехина Е.А. выявила универсальные базовые гендерные модели в культуре, провела комплексный анализ самого понятия «гендерная модель», продемонстрировала характер изменений, произошедших в современности по отношению к возникающим в данном проблемном поле вопросам, определила базовые традиционные, альтернативные и маргинальные модели половой идентичности, акцентировала внимание на значимость стратегии отчуждения в современных тенденциях определения гендерных векторов.

Работа содержит введение, две главы, каждая из которых включает в себя, соответственно, четыре и два параграфа, заключения и списка литературы (177 наименований: 145 на русском, 32 на иностранных языках).

В первой главе автор изначально определяет терминологический аппарат исследования, рассматривая понятия «биологический пол человека», «гендер», «архетип», «культурная модель», «гендерные культурные модели», «образ». Важно здесь определение, являющееся рабочим, где автор исходит из того, что «гендер» - это «форма социального бытия пола» (с.13).

Далее Потехина Е.А. идет от обзора различных подходов места, роли и соотношения полов в античном и средневековом мире. В основании таких представлений лежат философские и религиозные принципы, характерные для историко-культурной практики. По мнению диссертантки данные эпохи воспроизводили «патриархатную гендерную традицию», где доминировало представление о женской неполноценности и ограниченности функций, подразумевающих преимущественно детородную. Отсюда сформировалось устойчивое представление о ценностном неравенстве, при котором доминирующая роль отводилась мужчине. Представления о вторичности, неполноценности, ущербности женщин устойчиво существовали на протяжении столетий, несмотря на некоторые исключения в интерпретациях античного сюжета об андрогинности, или о библейском положении о

сотворенности обеих ипостасей человека «по образу и подобию». Такие сюжеты соотносились с именами отдельных авторов, в то время как «патриархальное» мнение было свойственно большинству. Тем не менее, уже в данных традициях (окончательно в средневековой) складываются различные по ценности роли женщин в социокультурных представлениях, которые условно можно назвать «Ева» - порочная, «Богоматерь» - святая мать и «Донна» - образ возвышенной любви.

Достаточно близко к западноевропейскому складывается феминный образ и в отечественной традиции, предполагая за женщиной определенную неполноценность. Если же исторические персонажи противоречат образу (княгиня Ольга), то их характеризуют как проявляющие мужские черты.

В эпоху рационализма осуществляется постепенная либерализация взглядов на сущность женщины, поднимаясь в своей роли до «спутницы» (у Руссо). А вот романтизм стремится исключить внешнюю, физическую специфичность человеческого бытия, говоря о приоритетности личности, способной сочетать мужские и женские черты.

К началу XX века вопрос о «поле» с подачи О.Венингера заменяется вопросом о «характере», где мужественность значимее женственности. Идя близким путем, психоаналитики (Юнг) рассматривают двойственность архетипических оснований психики, преимущественно снимая оценочность суждений. В дальнейшем развитие феминистских идей приводит к изменениям взглядов на различия в мужской и женской природе, исключая разговор об ущербности женщины как таковой, а в «практическом» смысле ведет к эмансипации.

Под влиянием т.н. «антропологического поворота в культуре» вопрос о поле приобрел новое значение, поскольку последний стал мыслиться как универсальный фактор формирования социокультурных образов. Это положение обрело особую значимость для философии феминизма «второй волны», ставшего основанием для последующего развития данной теоретической позиции в различных направлениях.

Во второй главе диссертации внимание автора фокусируется на инвариантности гендерных моделей. При рассмотрении «маскулинности» диссертантка рассматривает традиционное представление о мужчине, расцениваемое в XX столетии с позиций фаллоцентризма, но отмечает его противоречивость.

Интересным, хотя и дискуссионным, представляется вопрос о доминантной маскулинности. Диссертантка исходит из постановки вопроса о «нормативном каноне», который предлагает в своих работах И.С.Кон. Речь идет, по сути, об «альфа-самце»: избегающем женственного, добивающегося успеха, сильного и «не боящегося прибегать к насилию». Если говорить о

презентативном образном ряде, то можно еще добавить, что идеален «крупный и добрый» в противоположность «маленькому и злому», что часто в современной культуре переворачивается, создавая эффект неожиданности, как в произведениях Дж.Мартина.

Изменение условий жизни и труда в XX веке приводят к существенным трансформациям ролевых позиций. В ответ на женскую борьбу за равноправие появляется «мужское движение» за «освобождение мужчин». Мужчины все чаще занимаются домашним хозяйством и воспитанием детей, а женщины строят карьеру. По мнению диссертантки, это приводит к новым формам радикальной маскулинности (мачизму) и феминизируемой маскулинности. Тем не менее, и мачизм не является однозначной формой гендерной ориентации. Целостным его делает разве что забота о себе как о сформированном теле, обладающем сексуальной привлекательностью. В остальном интерпретации образов мачо существенно различаются. Еще более усугубляют ситуацию образы феминной маскулинности: «метросексуал и мужчина-содержанка». Не проще и ситуация с поведенческими стратегиями у женщин. Все это разнообразие приводит к постановке вопроса о «психологической андрогинности» и формированию стиля «унисекс», как выходу из ситуации тотальных противоречий в определении идентификационных программ. Данные тенденции дробления гендерных образов и создания нейтральных вариантов вполне, по мнению автора, соответствует тенденциям глобализации в культуре.

Примерно те же процессы проходят в женской гендерной ориентации. Здесь автор диссертации обозначает традиционный образ женщины-матери, маскулиной феминности («героический тип») и «демонического типа» (женщина-вамп). Первый тип уже очерчивался в начале работы, дополняясь еще интерпретациями матери как Родины. Вместе с гуманистическими идеями Возрождения этот образ расцветает, что приводит к появлению многочисленных героинь в произведениях всех видов искусства. «Обновляется» этот образ в советском искусстве, не теряя при этом своего значения. Автор подмечает интересный момент: традиционная модель женщины-матери уходит на второй план в западной культуре, переживая новый расцвет в отечественных художественных практиках, что во многом связано с доминирующей государственной идеологией в отношении к вопросам семьи в СССР, наследуемой в современном социокультурном пространстве.

В противовес классическому образу развивается другой. Это героическая или деловая женщина, «женщина-богатырша». Данный тип существовал в традиционных культурах, но имел особый смысл «замещения» героя-мужчины при его отсутствии или недостаточности. Сегодня же он

закреплен в пост-феминистических культурных образах и связан с идеей женской самостоятельности, а в крайних формах – самодостаточности. В этом плане новая героиня может проявлять себя и в повседневном подвиге – деловой активности и бизнесе.

Третий тип – роковая женщина, в культуре также существует давно. Ее поведение таит социальную опасность, причем, не только для мужчин, но и для других женщин. Этот образ вышел за пределы произведения искусства, став для ряда женщин их «амплуа». Для него характерен вызов, который бросает женщина миру, но вызов как стремление к власти. Этот тип представляет полноценного Другого по отношению ко всем остальным поведенческим стратегиям. Это именно противостояние миру женщины, борющейся за свои права, что характерно было для первой половины XX века. В дальнейшем данный образ часто стал обрести ироническими коннотациями. Первичный примитивный образ послужил основой для новых интерпретаций и форм гораздо более сложного порядка. В том числе произошла и «гибридизация» образов, своеобразно объединившая черты различных гендерных типов.

В Заключении Е.А. Потехина подводит итоги проведенного исследования, говоря о том, что маркеры маскулиного в культурных практиках занимали более высокое положение по отношению к феминным, чему соответствовала бинарность мужского и женского, сохранявшая свою отчетливость до XX века. В современном понимании ролевые практики, ориентированные на половую принадлежность индивида, оказываются неактуальными. Поведенческие стратегии направлены сегодня на многообразие гендерных образов и гибкость их границ. При исследовании различных социокультурных практик гендерные роли будут несколько различаться, как, например, в американской и русской культуре. Тем не менее, автор настаивает на том, что и для женщин, и для мужчин гендерные программы ориентированы сегодня все в тех же лов трех направлениях как традиционные, альтернативные и маргинальные.

Работа, как отмечалось выше, обладает выраженными признаками актуальности и социальной значимости, научной новизны и теоретической ценности.

Практическая значимость работы также не вызывает сомнений. Ее основные положения и результаты могут быть использованы как концептуальная основа социо-гуманитарных исследований, связанных с идентификационной проблематикой. Материалы диссертации могут составить основу или актуализировать содержание учебных курсов, связанных с проблемами социальной, философской и культурной

антропологии, а также с функционированием современной культуры по отношению к гендерным аспектам и их трансформациям.

Результаты исследования прошли широкую апробацию на конференциях, а также в виде публикаций материалов исследований: 9 статей (4,62 п.л.), в том числе 3 - в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов диссертационного исследования.

Работа обстоятельна, автор свободно владеет материалом. Исследование опирается на значительный массив научных текстов по теме исследования.

При общей положительной оценке диссертационного исследования, необходимо отметить некоторые недостатки.

1. Несмотря на пристальное внимание автора к семиотическому компоненту в культуре текст стилистически вызывает ряд нареканий. Это повторы слов (с. 69, 74 и др.), громоздкие обороты и использование «корявых» выражений («спрессовывание» и «выспрессовывание», например). Так, уже на с.3 мы встречаем высказывание об «отличных от традиционалистских патриархатных, ценностей и точек зрения». При описании методологии автор говорит о «герменевтическом анализе, применяемом для анализа культурного текста вглубь», «сопоставительном культурном анализе российской и западной культур». Не понятно, почему диссертантка не воспользовалась в данном случае устоявшимися терминами сравнительный или компаративный анализ. И т.д.

2. В первом параграфе первой главы «Теоретические основания работы» отсутствует связный текст. Это набор определений, подобный небольшому глоссарию, к которому добавлены заметки «Принцип отбора материала» и характеристика материала, используемого в исследовании.

3. Во второй главе автор внезапно и единожды вводит новые термины, что усложняет восприятие текста, например, «андроцентрическая культура» (с.69). Кроме того, Потехина Е.А. достаточно поверхностно и фрагментарно приводит примеры «рыцарских» образов и их характеристики. В качестве примеров средневековых образов она приводит преимущественно те, которые, хотя и появились как имена в Средние века, целостность обрели в значительно более поздней литературной традиции. Говоря при этом о Ланселоте и Лоэнгрине, диссертантка тут же утверждает: «В бытовой же среде в Средние века господствовала форма грубой маскулинности: нормой мужского поведения считалось пьянство, драки, агрессия». Далее данному высказыванию не приводится никаких подтверждений. Речь идет о странной, на мой взгляд, подборке имен и характеристик «героев» Нового времени. Что характерно, автор опускает исключительно важные для обеих культурных

ситуаций принципы формирования образности: в первом случае «рыцарскую честь», основанную на идее служения (господину на небе, на Земле и прекрасной Даме), во втором – идеи «протестантской этики», которые как раз-таки фундаментально трансформируют нормативно-ценностную структуру, следовательно, задают основания для эталонных образов.

С мужскими образами и далее непросто. Екатерина Александровна отмечает на с. 71 преобладание в русской литературе XIX-XX века «образов недостаточно сильных мужчин», «находящихся в зависимости от социума». Но вне зависимости от социума мы и не можем представить образ. Кроме того, уже на следующей странице автор утверждает обратное, ссылаясь на Ю.М.Лотмана: «новый тип российского мужчины был создан декабристами». Далее Потехина Е.А. делает «скачок» и пишет о советской образности. А вот традиционные образы, связанные с терзаниями героев «золотого века» русской литературы, с опытом переживания войн, в частности, войны 1812 года и т.д. проходят мимо ее внимания, как и такие создавшие их авторы как Грибоедов, Давыдов, Лермонтов и др. Не упоминает диссертантка и многообразие вариантов маскулинности в произведениях Л.Н. Толстого. Упоминаемые же авторы представлены отнюдь не полно и весьма однобоко (Тургенев, например). Далее образ «настоящего мужчины» предстает в советской литературе в варианте борца и воина. Вообще здесь можно отметить ошибку автора в привлечении литературного материала, поскольку полновесное обращение к текстам отсутствует, как отсутствует и достаточный репрезентативный ряд. В то же время даже представленный материал противоречит положению, высказываемому автором.

4. Несвободна работа от ошибок и опечаток (например, на с. 4, 7 и т.д.) и их довольно много. На с. 70 мы встречаем, например, опечатку «аполлИническое начало».

Вместе с тем, данные замечания не затрагивают содержания работы в целом, говоря лишь об определенной небрежности и неопытности автора. Оснований для принципиальных замечаний и концептуальных несогласий содержание исследования, его методология, логика, уровень научной аргументации и обоснованности большинства выводов не дают.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что диссертация «Гендерные модели в культуре: философско-антропологический анализ» является самостоятельной, законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной и социально-значимой проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, отвечает требованиям п.п. 9, 10, 11, 12, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор – Потехина

Екатерина Александровна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.

Доктор философских наук (09.00.13), профессор,
профессор кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
Военной академии связи им. Маршала
Советского Союза С.М.Буденного

Адрес: 194064, г. Санкт-Петербург,
К-64, Тихорецкий проспект, д.3
Телефоны: 8 (812) 247-98-35 (дежурный)
Email: vas@mil.ru

Е.Э. Сурова
01.10.2018

НВАС по СВ и БВС
СТРОВОГО ОТДЕЛА
А. Головин
2018г.